
Между
БРАТЬЯМИ
Когда муж вернулся живым,
сердце уже сделало выбор
18+
ОЛЬГА ГОУСТ

Ольга Гоуст

Между братьями

«Автор»
2026

Гоуст О.

Между братьями / О. Гоуст — «Автор», 2026

Вере сообщили, что её муж Андрей погиб на фронте. Тела не нашли, но ждать больше нечего. На руках маленькая дочь, впереди целая жизнь, которую придётся прожить без него.Илья, младший брат Андрея, становится для Веры единственной опорой. Он заботится о её дочери, помогает по дому и постепенно занимает место, которое прежде принадлежало другому. Вера долго сопротивляется своим чувствам, но однажды позволяет себе снова быть счастливой.

© Гоуст О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Пролог 7
Глава 1. Рюкзак 9
Глава 2. Пока тела нет 11
Глава 3. Свидетельство 15
Глава 4. Новый год 18
Глава 5. Годовщина 22
Глава 6. Звонок 25
Глава 7. Дома 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Ольга Гоуст
Между братьями

Глава 1

Пролог

Рюкзак он держал перед собой за верхнюю ручку, на весу, и протянул его, как только я открыла.

— Вот, — сказал он. — Командира вещи. Андрея.

Я взяла. Рюкзак оказался лёгкий. В сентябре Андрей полвечера трамбовал его на полу в прихожей, а я сидела на обувнице и не помогала.

Виктор так и стоял на пороге, одной ногой в доме. Дверь за ним была открыта настежь, и по полу тянуло морозом.

— Зайдите хоть, дверь закройте. Котёл не тянет.

Он шагнул внутрь и прикрыл дверь, но не до щелчка. Куртку расстёгивать не стал.

— Я на минуту. Жена в машине.

Машину я видела в окно, когда они подъехали. Стояла у калитки, мотор работал, за стеклом сидела женщина в вязаной шапке. Рядом во дворе была «Нива» Андрея, засыпанная по самые ручки. С сентября её никто не заводил.

Вчера он позвонил с незнакомого номера и сказал: «Шмелёв Виктор, служил с вашим мужем, вещи привезу». Что это Шмель, я сообразила, только когда положила трубку. По воскресеньям Андрей звонил по видео, сзади у него вечно кто-то ходил и гремел, и он говорил: «Шмель, поздоровайся с Сонькой». Тогда в кадр влезала чужая рука и махала. Лица я ни разу не видела.

Теперь видела. Лицо было худое и серое. Стриг его не мастер, машинкой, и над левым ухом осталась ступенька.

Свекровь, Галина Петровна, приехать отказалась. Сказала мне по телефону: «Спроси у него одно. Видел он тело или нет». И положила трубку, она всегда кладёт без «пока».

— Чаю, может? — спросила я, как будто он пришёл ко мне в салон стричься.

— Не. Нам ещё до Вичуги, а темнеет.

Темнело правда. Было начало пятого, воскресенье. Соня с обеда сидела у себя на бывшей веранде, мультик у неё шёл еле слышно. Утром она спросила, воскресенье сегодня или нет. Я сказала, что воскресенье. Больше она ничего не спрашивала.

— Вы же там с ним были, — сказала я.

— Был.

— Расскажите. Мне никто ничего не рассказывал. Пришли из военкомата, дали бумагу, я расписалась. Всё.

Это было две недели назад. Их было двое, и тот, что помоложе, всё время смотрел на Сонины сапоги в углу.

Виктор переступил с ноги на ногу и взялся за бок под курткой.

— Да чего рассказывать. Там в бумаге всё написано.

— Там написано «погиб». Это я знаю. Я не знаю как.

Он смотрел на рюкзак у меня в руках.

— Нас троих зацепило, — сказал он. — Меня и ещё двоих. Командир нас по очереди вытащил, туда, откуда забирают. Меня вторым. Потом за третьим пошёл.

— И?

— И там накрыло. Место, где он был. Вынести потом не смогли.

Подумал и добавил:

— Конец января.

Как будто я спрашивала число. Число мне тоже в бумаге написали.

Я хотела спросить, сразу он или нет. Больно ему было или нет. Начала: «А он…» — и испугалась. Поставила рюкзак на обувницу и расстегнула молнию.

Сверху лежал его телефон в чёрном чехле, с той же трещиной через весь экран. Экран был тёмный. Кнопку сбоку я трогать не стала. Под телефоном бритва, электрическая. Я дарила её Андрею на двадцать третье, а он сказал: «Нормально. Буду как человек». А под бритвой прозрачный файл, и в нём листок из альбома. «Нива», за рулём папа, рядом жёлтая голова с косичками. Соня рисовала это три вечера в сентябре.

— Это моё!

Соня стояла в дверях веранды, в колготках и в моей старой футболке до колен. Как она открыла дверь, я не слышала. Она подошла и вытянула файл у меня из рук.

— Это я папе нарисовала. А почему он тут?

Спрашивала она у Виктора. Виктор не ответил.

— Дядя привёз, — сказала я. — Папины вещи.

— А папа его не взял, что ли?

— Взял, Сонь.

Она поднесла файл к глазам.

— Я тут колесо криво нарисовала. Можно я его себе заберу?

— Потом. Иди, у тебя там собаки.

— Так нечестно, он мой вообще-то.

Но файл она бросила мне на рюкзак и ушла. Дверь закрыла не до конца, и через щель было слышно, как в планшете лают собаки.

Мы с Виктором так и стояли. Он смотрел себе под ноги, я на файл. Веранда у нас за тонкой дощатой стенкой, а Соня, когда ей надо, слышит всё.

Я подошла к нему ближе и сказала тихо:

— Свекровь велела спросить. Вы его видели? Тело.

Тут он первый раз посмотрел прямо на меня.

— Видел, как накрыло. Тела не видел.

Я кивнула. Галине Петровне этого хватит, чтобы ждать дальше. А сама я так и не поняла, какого ответа от него хотела.

Я сунула файл обратно, застегнула молнию и повесила рюкзак на крючок у двери. Там он висел до сентября. Пять месяцев я этот крючок обходила и вешала всё рядом, на вешалку, как будто он занят.

Виктор натянул шапку и полез в карман за перчатками. Одна упала на половик. Он стал за ней нагибаться, боком, придерживая себя ладонью под курткой, и шумно дышал через нос. Мне до этой перчатки было ближе, чем ему. Любому бы подала. Ему я не подала, стояла и смотрела, как он тянется.

Он поднял её сам, выпрямился и открыл дверь. В прихожую сразу пошёл холод. Женщина в машине повернула голову к дому.

— Я за ним не вернулся, — сказал он уже с крыльца и потянул дверь на себя. — Не смог.

Глава 1. Рюкзак

Проснулась я оттого, что замёрз нос. На телефоне было четырнадцать минут третьего, батарея под окном еле грела, а на кухне оказалась совсем холодная.

Котёл у нас в пристройке, дверь туда из кухни. Днём он и так еле тянул. Я накинула пуховик прямо на ночнушку и зажгла там свет. Внизу у котла есть окошко, в нём всегда горел синий огонёк. Теперь там было темно. Я нажала одну кнопку, потом другую. Котёл щёлкнул и замолчал. Андрей возился с ним сам и меня не подпускал: «Не лезь, Верунь, это тебе не фен». Я и не лезла. Стояла теперь перед ним в пуховике, как дура, и не знала даже, какую кнопку жать первой.

На веранде было холоднее всего. Соня спала, накрывшись с головой, только косичка торчала. Я перетащила её к себе прямо с одеялом. Она не проснулась, сказала во сне что-то про собак.

Звонить было некому. Мама в Костроме со вторым мужем, мы с ней созваниваемся на Новый год. Своих у меня в городе нет. Мои тут Ершовы.

Галине Петровне я с вечера так и не перезвонила. Не знала, как сказать ей про тело.

Она взяла трубку с первого гудка.

— Ну? Что он сказал?

Ни «алло», ни «что случилось» в третьем часу ночи.

— Сказал, видел, как накрыло. Тела не видел.

Она подышала в трубку.

— Не видел, — повторила Галина Петровна. — Вот. А они бумаги пишут.

Голос у неё стал почти бодрый, рабочий.

— Галина Петровна, у меня котёл погас. Я не знаю, как его включать.

— Ребёнок где?

— Со мной, под одеялом.

— Обогреватель у меня есть. Илью сейчас пришлю.

— Илью? Да не надо, я утром мастера вызову…

— Утром у тебя ребёнок синий будет. Сиди жди.

И отключилась.

Илья, младший брат Андрея. У нас в семье про него говорили «Илюха опять», и дальше можно было не объяснять: опять уволился, опять занял, опять обещал и не приехал. В этом доме он не был с Андреевых проводов.

Минут через сорок у калитки остановилось такси. Илья вылез с обогревателем в обнимку и пошёл по нечищеной дорожке, проваливаясь по колено.

— «Четырнадцатая[1]» не завелась, — сказал он вместо «здравствуй». — Стоит у подъезда как памятник. Таксист за гору сотку сверху взял, прикинь? Я ему говорю: мужик, совесть есть? А он: у меня зимняя резина есть.

Он стянул шапку. Стригся он, по-моему, последний раз к проводам, сзади уже лезло на воротник. Мимо крючка с рюкзаком прошёл боком и туда не взглянул ни разу. Галина Петровна ему, видно, сказала.

Обогреватель он сам отнёс ко мне в комнату и воткнул в розетку у кровати. Соня высунулась из-под одеяла.

— Дядь Иль, а у нас батареи сломались.

— Ща сделаем, мелкая. Спи.

---

[1] четырнадцатая — разговорное название «Лады» ВАЗ-2114, недорогой отечественной легковой машины.

Я осталась на кухне. Из пристройки было слышно, как он гремит и разговаривает: «Так. Ну и чего ты. Давай, родной». Потом щёлкнуло, и котёл загудел. Этот гул я раньше вообще не замечала, а тут чуть не заревела.

Илья вышел, вытирая руки о джинсы.

— Андрюха тебе не показывал?

— Нет.

Он кивнул и больше не спрашивал.

Через двадцать минут гул оборвался. Илья снова ушёл в пристройку, там пощёлкало, и котёл загудел.

— Тухнуть будет, — сказал он. — Я при нём посижу.

— До утра, что ли?

— А чего. Дома всё равно мамка спать не даст, будет каждые полчаса спрашивать, как тут.

Я сказала, что ему же на работу. Он сказал: «Да ладно, не парься».

Я заварила ему чаю и отнесла. Илья сидел на перевёрнутом ведре в куртке, руки втянул в рукава и смотрел на синий огонёк. Второй раз я заглянула, когда котёл опять затих. Илья стоял на коленях, светил себе телефоном куда-то под низ и даже не обернулся.

Пуховик я так и не сняла. Легла поверх одеяла рядом с Соней, к обогревателю спиной, только полежать, пока опять не затухнет.

Потом сквозь сон было уже светло, а глаза не открывались.

— Сонь. Сонь, подъём. Колготки твои где?

— А мама?

— Мама спит. В школу я тебя поведу.

— А ты знаешь, где школа?

— Под горой, мелкая. Я в неё сам ходил.

— Так нечестно, я ещё не проснулась.

Хлопнула входная дверь, и я опять провалилась.

Проснулась я мокрая насквозь. В пуховике было жарко, батарея под окном горячая, рукой не тронуть. Сони рядом не было. Я вскочила и только потом вспомнила голоса.

На кухне на столе лежала раскрытая пачка печенья, рядом Сонина кружка с какао на донышке. Хлеба в доме не было с субботы, так что это и был её завтрак.

Тут вошёл Илья с пакетом, воротник у него был белый от инея.

— Отвёл, — сказал он. — До класса не пустила, говорит, сама. Чтоб я её не позорил.

Он поставил пакет на стол. Батон и половинка чёрного.

— У тебя тут шаром покати.

Котёл ещё ладно. Но чтоб он Соню в школу повёл и хлеба принёс, такого я от него не ждала. Илюха же.

— Сколько я тебе за такси? — спросила я.

— Да ладно. Котёл три раза за ночь тух, там деталь какая-то сдыхает. Я гляну, где взять. Завтра зайду. Или мастера приведу, если сам не того. — Он отломил от чёрного горбушку и сунул в рот. — А чайник у тебя где?

Чайник стоял на плите, у него перед носом.

Глава 2. Пока тела нет

Соня полезла отстёгиваться, когда Илья ещё только парковался у ДК.

— Дядь Иль, а забирать ты или мама?

— Мама, — сказал Илья. — Если доедет. У вас сегодня до часу, ты ж сама говорила, прогон. Чешки взяла?

Соня пошарила в пакете, кивнула и сунула голову между передними сиденьями, ко мне.

— Мам, а ты сегодня поведёшь?

— Попробую.

— А потом посадишь меня спереди? Папа говорил, до двенадцати нельзя. — Она подумала. — Он же теперь не узнает.

Я открыла рот, а она уже хлопнула дверью и бежала к крыльцу, хвост мотался по спине.

— Двенадцать — это ещё пять лет, — сказал Илья. — Успеешь чего-нибудь придумать.

До площадки он ехал одной рукой, второй крутил радио. «Нива» за три месяца стала наполовину его. На торпеде валялись его тёмные очки, в кармане двери лежала тряпка в мазуте, на зеркале болталась вонючая зелёная ёлочка. Я её два раза снимала, он два раза вешал новую. В марте он поставил аккумулятор, и «Нива» завелась с первого раза, будто не стояла с сентября под снегом.

Площадка у гаражей на выезде к мосту была пустая, асфальт весь в трещинах, только у воды стоял рыбак. Илья вылез, мы поменялись, и я села на место Андрея.

Ноги до педалей не доставали. Кресло стояло, как он его поставил, далеко, под свои колени. Илья тоже длинный, ему было нормально, вот кресло никто и не трогал. Я нашарила под сиденьем рычаг, дёрнула и съехала вперёд. Щёлкнуло. На какой дырке оно стояло у Андрея, я не посмотрела, а теперь было уже не понять.

— Значит, так, — сказал Илья. — Левая нога — сцепление. Только сцепление, больше она ничего не делает, пусть отдыхает. Выжимаешь до пола. Первая — к себе и вверх. Ну? Вот. Теперь сцепление отпускаешь медленно, как будто там яйца лежат, а правой чуть-чуть газку…

«Нива» дёрнулась и заглохла.

— Нормально, — сказал Илья. — Ещё раз.

Она дёрнулась и заглохла ещё раз. С третьего раза мы проехали метра три прыжками, меня мотало на ремне, а Илья держался за ручку над дверью и приговаривал: «Живём, живём». На четвёртом я со всей силы хлопнула ладонью по рулю.

— Да что ж ты, зараза!

— Это ты мне или ей?

— Себе.

Злилась я правда на себя, до мокрой спины. Ребёнка родила, тридцать два года, людей стригу, а тут три педали. На телефоне было без двадцати двенадцать, а я за полчаса не доехала даже до столба.

Илья сделал радио погромче, «для настроения». Там долбило что-то без слов. Андрей в машине пел. Только когда мы ехали вдвоём: слов не знал, мычал под любое радио, а если я смеялась, говорил: «Ну. Нормально же». При Соне ни разу, при мужиках тем более. Мне так захотелось это мычание, хоть полминуты, что я выключила радио совсем.

— Ты чего?

— Мешает.

На пятый раз она поехала. Я так обрадовалась, что решила показать поворот, как положено, и дёрнула не тот рычаг. По пыльному стеклу со скрипом пошли дворники. Я дёрнула сильнее, и «Нива» плюнула на стекло водой. Теперь там были две грязные дуги, а дворники всё ходили. Я встала на тормоз, и она, конечно, заглохла.

— Во, — сказал Илья. — Помыли. Теперь хоть видно, где глохнуть будем.

Я засмеялась. Сначала фыркнула, а потом уже не могла остановиться, легла лбом на руль, до слёз. С февраля я не смеялась ни разу. Клиентки в салоне при мне даже анекдоты друг другу перестали рассказывать.

Отсмеялась я тоже сразу. Я сидела в Андреевой машине, на его месте, кресло под себя подвинула, и ржала. Я выпрямилась и нашла наконец, как выключить дворники.

Илья перестал улыбаться. Ничего не сказал, отвернулся к своему окну и постучал пальцем по стеклу.

— Вон, видишь ворота? Третьи с краю, синие.

— Гаражи.

— Бокс. Наш с Костей Рябовым. Друг мой со школы, он у вас на свадьбе куклу на капот привязывал. Она потом в сугроб улетела.

Куклу я помнила, Костю нет. Ворота были как ворота, крашеные, вывески никакой.

— С первого мая сняли. Станок взяли, старый, но Костя говорит, живой. Вывеску потом повесим, «Шиномонтаж». К осени откроемся, к переобувке. В октябре как снег пойдёт, все разом побегут, а тут мы. — Он покосился на меня. Ждал, что скажу.

— А деньги откуда?

— «Яву» продал.

И опять уставился на ворота.

Я повернулась к нему. «Яву» он собирал, сколько я его знаю. Андрей смеялся, что Илья этот мотоцикл до пенсии собирать будет. А он взял и продал. Мастера к котлу Илья тоже привёл назавтра, как обещал, и котёл с тех пор ни разу не гас, а я всё думала, это у него случайно вышло.

— Ты ж её столько лет…

— Семь. — Он пожал плечами. — Ну продал. С осени я мелкую на танцы не всегда смогу. Потому и учу.

Значит, с осени сама. Я взялась за ключ.

— Ну так учи. Чего расселся.

— А я и учу. — Он открыл дверь и вылез. — Давай сама. До столба, разворот и назад. Я у ворот постою.

Без него в машине стало тихо. Я выжала сцепление левой, до пола, включила первую и отпускала так медленно, что затряслась коленка. «Нива» не дёрнулась, поехала. До столба, разворот широкий, через полплощадки, рыбак у воды обернулся. Обратно я ехала на второй, никто мне не говорил, сама переключила. У синих ворот Илья поднял большой палец. Посигналить хотелось, как дура. Я не стала, взялась за руль двумя руками и пошла на второй круг.

*

Под балконом Галины Петровны я встала со второго раза. Сначала заехала колесом на бордюр, стала сдавать назад и заглохла. Наверху между простынями стояла Галина Петровна с телефоном в руке и смотрела, как я там внизу дёргаюсь туда-сюда на Андреевой машине. Когда я поднялась на третий этаж, дверь в квартиру была уже открыта.

— Андрей тебя за руль не пускал, — сказала она из коридора и ушла в комнату.

Я разулась. Босоножки поставила рядом с Ильиными кроссовками, носками к стене, как она любит.

В большой комнате было как в бане. Балконная дверь настежь, а толку никакого, только со двора скрипели качели. Соня как вылезла из машины, сразу туда, я её с собой и не звала. Илья сидел за столом под ковром, перед ним лежала стопка бумаг, сверху ручка. Он всё приготовил с вечера. Мать тоже предупредил сам, а мне сказал, что за спиной у неё ничего делать не будет, только при ней.

Всю дорогу я думала: пусть она скажет нет. Скажет, бумаги полежат, а я ни при чём.

Галина Петровна села напротив Ильи, я с торца. Телефон она положила перед собой экраном вверх.

— Ну, — сказала она. — Раз пришли, говори, сынок.

— Мам. — Илья подровнял стопку ладонью. — Полгода прошло. Уже можно.

— Кто сказал?

— Закон. Справка из военкомата есть. Шмелёв пойдёт свидетелем, я ему звонил, он согласен. И что Соне положено, без этого не оформят.

Про Соню он сказал в стол и больше к этому не возвращался. Что после полугода уже можно через суд объявить Андрея умершим, я знала только от него. Справку в военкомате брала я, в начале июля, просто узнать, что дадут. Номер Шмелёва Илье тоже дала я.

Галина Петровна вытерла экран о рукав халата и повернула телефон ко мне. Там был Андрей с Сониного выпускного в садике, в белой рубашке, которую я ему гладила. Под фотографией подпись: «Кто видел, кто что знает». Под подписью пусто.

— Двадцать шесть групп, — сказала она. — Матери там, жёны. Утром выставляю, вечером смотрю.

— И что? — спросил Илья.

— А ничего. Никто его мёртвым не видел. — Она потянула экран вниз большим пальцем, кружок покрутился и пропал. Пусто. — Шмелёв твой тоже не видел. Видел издали, как туда прилетело, и всё. Он Вере так и сказал. Я тридцать пять лет в поликлинике, Илья. Смерть констатируют, а не со слов пишут.

Я смотрела мимо неё, на сервант. Там за стеклом стояли оба: Андрей со срочной, в берете, и Илья первоклассник с гладиолусами больше головы. Чёрной ленты на Андреевой рамке не было. У нас её вешают сразу, как только принесут бумагу.

— Не похороню, — сказала Галина Петровна. — Хоть что пишите.

— Илья, — сказала я. — Ну подай ты. Ты ж всё собрал. Ты брат.

— Не могу. — Он подвинул ко мне образец, исписанный его почерком. — Жена — ты.

Тогда я повернулась к ней, как дура, честное слово, как в школе к учительнице.

— Галина Петровна. Скажете не надо — не буду.

Она даже не подняла глаз от телефона.

— Не будешь. Жена ждёт, и всё. Бумажки свои убери, Илья. А ты бери ребёнка и езжай домой, нечего ей на жаре.

«Всё» у них семейное. Андрей тоже так разговор кончал: скажет «всё», и я молчу. Полгода я была не пойми кто. Не вдова, потому что не хоронили, и не жена, потому что жене хоть кто-нибудь звонит.

Я взяла ручку.

Илья ничего не сказал, вытянул из стопки чистый лист и положил передо мной. Скатерть у Галины Петровны бархатная, с кистями, ручка по ней рвала бумагу. Илья сходил к подоконнику за журналом «Здоровье» и подсунул его под лист. Рука у меня была мокрая, бумага липла к запястью. Я переписывала с образца слово в слово. «Ершов Андрей Николаевич» вывела красиво, с завитком на «Е», как на открытке к Восьмому марта. Нашла время красиво писать. Галина Петровна, пока я писала, тянула экран вниз, я слышала, как ноготь цокает по стеклу. Внизу, где «подпись», я расписалась той же закорючкой, что в феврале у военкоматских на пороге.

Мне было стыдно так, что горели уши. Ручку я положила рядом с листом, ровно, и руку со стола не убрала.

Галина Петровна погасила телефон и встала.

— Он живой, — сказала она. — А вы его закапываете. Вдвоём. Ну и закапывайте без меня. В суд я не пойду.

— Мам, — сказал Илья, и больше ничего.

Я вышла в прихожую. Босоножки стояли, где я их оставила, носками к стене. Ремешок не застёгивался, пряжка выскальзывала из мокрых пальцев. В хрущёвке и так всё слышно, а тут ещё окна настежь от жары. Со двора Соня кричала кому-то: «Я первая занимала!»

— Илья, — сказала в комнате Галина Петровна. Не «сынок». — А тебе-то зачем так торопиться?

Он молчал. Я не стала ждать, что он скажет, застегнула наконец ремешок и пошла вниз за Соней.

Глава 3. Свидетельство

— Да сядь ты, — сказал Илья. — Позовут, не забудут.

Я села. Стулья в коридоре были откидные, сцепленные по четыре, как в старом кинотеатре. Весь ряд под нами скрипнул. В салоне я отпросилась до обеда и всё утро надеялась, что сорвётся: судья заболеет, бумаги потеряются, Шмелёв не доедет из Вичуги. Шмелёв доехал раньше нас. Сидел у окна, через два стула, рядом на подоконнике стоял пустой стаканчик из автомата. Пиджак на Шмелёве был с чужого плеча, висел мешком, рукава закрывали полладони. Зато ботинки начистил. Ходил он лучше, чем в феврале, а садился всё равно боком, рукой за спинку.

Со мной он поздоровался, глядя в пол. Я спросила, как бок.

— Хожу, — сказал он.

Дверь открылась, выглянула секретарь, девочка с папкой.

— Ершова Вера Сергеевна? Проходите. Свидетель пока ждёт.

Я встала. Илья не встал.

— Ты чего?

— А я тут. — Он вытянул ноги через полкоридора. — Меня не вызывали, я так, извозчик. Посторожу человека, чтоб не сбежал.

Шмелёв не улыбнулся. Я решила, что Илья меня жалеет: не хочет смотреть, как я там буду это говорить. И пошла одна.

Зал был маленький, меньше нашего салона. Судья, немолодой мужчина в чёрной мантии, читал бумаги и на меня не смотрел. Сбоку за столом сидела прокурорша в синей форме, моложе меня. Мне показали, куда сесть. Сумку я держала на коленях обеими руками, как в автобусе.

Судья спросил, поддерживаю ли я заявление.

Меня спросили первый раз за всё время. Не Илью, не Галину Петровну, а меня. Девочка-секретарь ждала с ручкой, чтобы записать.

— Да, — сказала я.

Голос был нормальный. Я даже удивилась.

— Когда муж последний раз выходил на связь?

— В январе. В воскресенье, по видео, он по воскресеньям звонил. — Я подумала и добавила: — Потом ничего.

Позвали Шмелёва. Судья предупредил его про ответственность за ложные показания, секретарь дала ему бумагу, он расписался стоя, согнувшись над её столом. Рассказывал он то же, что мне в прихожей, только длиннее и по порядку: троих зацепило, командир вытаскивал по одному, его вторым, потом пошёл за третьим, туда и прилетело. Смотрел он в стол перед собой, а на слове «командир» голос у него проседал.

Прокурорша спросила:

— Тело вы видели?

— Нет.

— По-вашему, он мог остаться в живых?

Шмелёв долго молчал. Секретарь подняла голову от протокола.

— Там, куда прилетело, живых не бывает, — сказал он. — Я так думаю.

Я могла встать. Сказать: он же не видел, он сам сейчас сказал «нет». Я сидела и держала сумку.

— Мне можно идти? — спросил Шмелёв. — У меня автобус.

Судья отпустил. Решения Шмелёв ждать не стал. Прошёл мимо меня к двери, рукавом чужого пиджака задел мне плечо.

Потом прокурорша встала и дала заключение, Илья говорил, что так это называется. Читала по листку, быстро: обоснованно, подлежит удовлетворению. Судья сказал, что удаляется, ушёл в дверь у себя за спиной. Секретарь — в боковую, прокурорша — в коридор, с телефоном.

Я осталась в зале одна. Можно было встать и уйти, никто бы не держал. Я сидела. Да, Галина Петровна, закапываю. Одна. Вдвоём не вышло, Илья в коридоре стулья караулит. Часы над дверью отставали, я сверяла по телефону.

Судья вернулся через восемнадцать минут, прокурорша чуть раньше. Все встали, я тоже, сумку поймала у колена. Судья читал быстро, я понимала через слово. Поняла главное: объявить Ершова Андрея Николаевича умершим. Днём смерти считать — и он назвал число в конце января. Я его знала. Оно было в бумаге, которую мне в феврале принесли из военкомата.

Я стояла и ждала, что сейчас мне станет плохо. Не стало.

В коридоре Илья поднялся мне навстречу с двумя стаканчиками.

— Твой остыл, — сказал он. — Я второй взял, тоже остыл. Ну?

— Объявили.

Он забрал у меня сумку и сунул в руку стаканчик. Кофе был холодный и приторный. Мимо шла прокурорша, уже без телефона, с папкой под мышкой. Я шагнула ей наперерез.

— Извините. А если он вернётся?

Она не остановилась, только повернула ко мне голову, как будто я спросила, где тут выход.

— Тогда решение отменят.

*

Яма у Ильи была уже по колено. Снег ночью выпал мокрый, земля под ним не застыла, с лопаты сходила чёрными комьями и липла к сапогам. Крест лежал вдоль ограды табличкой вверх: «Ершов Андрей Николаевич», ниже две даты через чёрточку.

По бумагам он был умерший с самого суда. Свидетельство я на той неделе сама забрала в ЗАГСе, а прийти к нему было некуда. Крест Илья придумал сразу после суда, я сказала: ставь.

Хотелось хоть тут всё сделать как положено: встать, постоять, сказать ему что-нибудь про себя. Только как тут постоишь, когда в двух шагах сидит Галина Петровна.

Ставили в ограде у свёкра, Николая Ершова, там была скамейка. Галина Петровна приехала раньше нас, сама. Илья сказал ей день и час: за спиной у неё он ничего не делает. Она сидела лицом к памятнику мужа, в чёрном платке, руки в карманах. К нам боком.

Илья опустил крест в яму, придержал плечом.

— Мам. Глянь, ровно? Тебе оттуда видней.

Галина Петровна поправила платок.

— Мам, — сказал Илья, уже тише. — Я тебе час сказал, чтоб ты была. А не чтоб так сидела.

Она повернулась ко мне, мимо Ильи.

— Ребёнка сегодня кто забирает?

— Я. В пять.

— С продлёнки?

— С продлёнки.

Галина Петровна отвернулась обратно к мужу. Илья засыпал яму, утоптал. Потом сел на корточки и стал ровнять землю вокруг креста голыми ладонями. Пальцы у него сразу стали красные, под ногти набилось чёрное. Я стояла над ним в своих серых вязаных перчатках и держала руки перед собой, как в церкви. Стянула перчатки и протянула ему.

Он поглядел на них, потом на меня и взял. Налезли кое-как, пальцы до половины. Он доровнял в них землю под табличкой.

В куртке у него зазвонил телефон. Илья вытащил его двумя пальцами в моей перчатке.

— Ну. Ну, Кость. Сколько? Понял. Едем.

Звонил Костя Рябов, Ильин друг, с которым у них бокс в гаражах.

— Снег же, — сказал Илья. — Там очередь до дороги, а он один. Заедем на минуту, потом тебя отвезу.

Он взял лопату.

— Мам, мы поехали. Подкинуть тебя?

Галина Петровна не ответила. Мы пошли к машине по своим следам. От калитки я оглянулась. Она сидела, как сидела, только руку из кармана вынула и положила на ограду мужа. Крест стоял у неё за плечом.

В машине пахло свежей доской.

У бокса стояли машины, от синих ворот до самой дороги, и все на летней резине. Над воротами теперь висело «Шиномонтаж», красным по белому. Илья вылез, не заглушив мотор, потом вернулся и заглушил.

— Я сейчас, — сказал он мне. — Десять минут.

Невысокий парень в шапке до бровей разогнулся у станка.

— Ну наконец. Давай, Илюха, бери «Солярис».

Костю я по лицу не вспомнила, только куклу, что он у нас на свадьбе привязал на капот.

«Потом отвезу» не наступило ни через десять минут, ни через час. Я посидела в машине, замёрзла и пошла в бокс. У ворот гудела тепловая пушка, рядом на тумбочке стояли чайник, банка сахара и стопка пластиковых стаканчиков. Стоять столбом я не могла. Сахар в банке слипся комом, я колола его ложкой. Налила деду из «копейки», потом женщине в шубе, потом всем по порядку.

— Мастер, мне бы до темноты, — сказал мужик из «Гранты».

— До темноты не обещаю, — сказал Илья, не поднимая головы. — Сегодня сделаем.

Женщина в шубе взяла у меня стаканчик и сказала, что ей соседка велела ехать сюда, к Илье, он не обманет.

Колёса он снимал быстро, гайки ссыпал в шапку. Ставил колесо на станок, глядел на цифры, стукал молотком по ободу, клеил с изнанки свинцовые плашки. С Костей они почти не разговаривали: один кивнёт, другой уже катит. Здоровый мужик на чёрном джипе сунулся без очереди, сказал, что ему быстро.

— Всем быстро, — сказал Илья. — Вы в конец.

И мужик поехал в конец.

Я стояла с чайником и смотрела на Илью. Не на брата мужа, который вечно занимает и не приезжает. На мужика, которого тут ждут восемь машин. Мне стало стыдно так смотреть, до жара в лице. Утром мы ставили Андрею крест. Пушка дула мне в ноги горячим, и отходить от неё не хотелось.

— Вер, — сказал Илья, — там в тумбочке печенье. Дай деду, он с семи на ногах.

Костя головы не поднял, как будто Илья меня всю жизнь так звал. Дед сказал спасибо. Я достала печенье.

В половине пятого я посмотрела на телефон, Илья заметил.

— Вер, я никак. — Он показал подбородком на ворота, на очередь. — Видишь же.

— Вижу. Я на автобусе, от моста.

— Позвони, как заберёшь.

От ворот я обернулась. Илья держал колесо обеими руками, прижимал к станку. Мои серые перчатки на нём были уже чёрные на пальцах, на правой распустилась нитка.

Глава 4. Новый год

Галина Петровна, свекровь, приехала первой, в начале четвёртого. Я услышала мотор, выглянула в окно: у калитки разворачивалось такси. Она была одна. Илья жил с ней в одной квартире, «четырнадцатая» стояла у её подъезда, а она вызвала такси.

С утра я бегала как заведённая: шарики, курица, торт из «Магнита», Соне две косички, скатерть, которую не доставали с прошлого года. Воскресенье я выпросила у Оксаны, она в «Шарме» через кресло от меня, отдала ей за него свою субботу. Хотела, чтобы всё было как при Андрее: дома, свечки, только свои.

Галина Петровна вошла в прихожую и пальто расстёгивать не стала. Открыла сумку и протянула мне перчатки.

Мои серые, те, что я на кладбище стянула с рук и отдала Илье, когда он ровнял землю у креста. Их выстирали, они пахли чужим порошком. Распустившуюся нитку на правой подвязали узелком и заправили конец внутрь.

— Смотри, Вера, — сказала она.

Больше ничего. Сняла пальто, повесила на вешалку и спросила, где ребёнок. Соня выскочила к ней из своей комнаты, и они ушли в большую.

Я стояла в прихожей с перчатками. Это она про Илью. Где она их взяла? Могла видеть у креста, она сидела к нам боком, а боком тоже видно. Могла найти у Ильи в куртке, он в них, наверное, всю неделю колёса снимал. Спросить я не могла: спросишь — значит, есть о чём. А я ничего не сделала. Налила деду в боксе чаю, посмотрела, как Илья работает. Меня поймали, а ловить было почти не на чем. Я сунула перчатки в карман пуховика, поглубже, чтобы Илья не увидел.

Илья приехал к четырём, с полкой под мышкой. Полку для Сониных рисунков он сколотил сам, из обрезков, снизу прибил бортик, чтоб листы не съезжали, и покрасил белым.

— Мелкая, с днюхой! Восемь лет, всё, старуха. — Он поставил полку к стене и открыл ящик под зеркалом. — Вер, молоток тут же?

Молоток был тут же. Илья знал, где у меня что лежит, ещё с весны. Галина Петровна стояла в дверях большой комнаты и видела, как он достаёт молоток и банку с гвоздями.

— Разуйся, — сказала я. — Я полы мыла.

За столом я села рядом со свекровью, Илью посадила напротив, к Соне. Говорила только с Галиной Петровной, про Сонину учительницу и про цены на курицу.

— Вер, соль дай, — сказал Илья.

Солонка стояла у моей руки. Я отдала её Соне, Соня — ему. Галина Петровна ела мало и всё видела.

После торта Соня потащила всех смотреть, куда вешать полку. Илья шёл первым, с молотком, и в дверях её комнаты остановился.

— О. А это чего?

На косяке, на уровне Сониного носа и ниже, шли карандашные чёрточки, у каждой подписано: «Сонька 3», «Сонька 4», и так до шести. Писал Андрей, у него «С» всегда была с завитком. Мерил он утром в день рождения, ещё до подарков. Ставил Соню пятками к косяку, клал ей на голову разделочную доску с кухни. Соня каждый раз лезла на цыпочки, он давил доской, пока не опустится.

Семёрки не было. В прошлом ноябре Андрей был уже там, а мне в голову не пришло взять карандаш.

— Ща отметим, — сказал Илья и достал из кармана жёлтый мелок, которым в боксе метил колёса. — Сонь, давай к стенке.

Соня ударила его по руке, ладонью, со всей силы. Мелок чиркнул по косяку наискось, через шестёрку, и упал. Соня прижалась спиной к отметкам и раскинула руки.

— Не трогай! Это папа меряет!

— Мелкая, да я ж просто…

— Илья, — сказала я. — Убери. Это не твоё.

Сказала громко, на всю прихожую. Галина Петровна стояла у вешалки, я видела её краем глаза. Смотрела она не на Соню, а на меня.

Илья поднял мелок и сунул в карман. По лицу было видно, что он не понял, за что.

— Понял. Не моё, — сказал он. — Сонь, пусти, я полку повешу. Над кроватью, да?

Соня отлипла от косяка не сразу. Илья прошёл в комнату боком, за стенкой застучал молоток. Я вернулась к столу и начала собирать тарелки, хотя доели не все.

Через полчаса Соня собрала со стола рисунки, которые показывала бабе Гале, — принцессу, собаку из мультика, наш дом с дымом из трубы — и сама унесла к себе на полку. Потом крикнула из комнаты:

— Дядь Иль, а ещё влезет?

— Влезет. Ты рисуй, — сказал Илья.

Он сидел напротив меня и крутил в пальцах свой мелок. Галина Петровна пила третью чашку чая. Я ушла мыть посуду.

Без двадцати семь Галина Петровна вызвала такси: в семь у неё был укол соседке. Оделась, поцеловала Соню в макушку, мне кивнула и вышла. Илья пошёл проводить её до калитки. В окно было видно, что она села в машину и на него не обернулась.

Илья уехал через десять минут, я его не провожала. Торта я ему положила в контейнер ещё до чая. Контейнер остался на холодильнике.

Соня уснула в десятом часу. Я намочила тряпку и вышла в прихожую. Мелок сходил легко, только на шестёрке я тёрла одним пальцем, по краю, чтобы не задеть карандаш. В трещинке краски жёлтое осталось. Потом я прополоскала тряпку и повесила её на батарею.

*

Илья весь вечер пил вишнёвый компот из трёхлитровой банки и хвалил: утром голова болеть не будет. Он был за рулём. Новый год у меня решила Галина Петровна, ещё в начале декабря, по телефону: первый без Андрея, значит, у ребёнка, всей семьёй. Илья привёз её к девяти на своей «четырнадцатой», а после курантов должен был отвезти домой.

Свекровь к празднику покрасилась сама, дома, и на затылке пропустила седую прядь. Я бы закрасила её за десять минут, но она не просила. Сидела она лицом к телевизору и раза три за вечер брала телефон, оттягивала экран вниз и клала обратно. С Ильёй не разговаривала. Про него сказала мне, не ему:

— Отвезёт меня, и спать. Мне в девять на укол к соседке.

Я с Ильёй тоже не разговаривала: «передай», «бери ещё», и всё. Он сидел напротив, и смотреть на него я не смотрела. Видела в чёрном окне сбоку, где отражался весь стол, как он режет Соне курицу и как она морщится на лук.

Без пяти двенадцать Галина Петровна встала. Шампанское она открыла сама, Илье не дала.

— Ну, — сказала она. — Чтоб в этот год вернулся.

Кто вернулся, она не сказала. Взяла чистый бокал, налила до краёв и поставила перед Ильёй, рядом с компотом.

— Мам, мне ж тебя везти, — сказал Илья.

— Пей.

До этого она при мне не сказала ему ни слова с самого креста. Илья взял бокал и выпил. Не выпить — значит, за брата пить не стал. Я выпила тоже, до дна, за живого мужа, при его

матери. Отменят, Галина Петровна. Если он вернётся, решение отменят. Соня чокалась соком со всеми и кричала «ура» вместе с телевизором.

Везти теперь было некому, а такси в новогоднюю ночь в гору не допросишься. Соня уснула в кресле в половине первого, с мандариновой коркой в кулаке. Я отвела Соню на веранду, в её комнату, постелила Галине Петровне у себя, Илье на диване в большой комнате. Себе решила лечь к Соне. Галина Петровна ушла в мою комнату молча. Скрипнула кровать, потом за дверью стало слышно, как она дышит: ровно, с присвистом.

Под горой хлопало с полуночи. Над тем берегом то и дело вспыхивало зелёным и красным, у нас на горе никто не запускал. Илья надел куртку и вышел, сказал — подышать. Я собрала салатники, постояла в прихожей и тоже надела пуховик. Калитку надо закрыть на щеколду, а то Илья забудет.

Илья стоял за калиткой, рядом со своей машиной. «Четырнадцатую» уже присыпало снегом, скамейку у забора тоже замело. Внизу, под склоном, белела Волга.

— Калитку закрыть, — сказала я, хотя он не спрашивал.

— Ну закрывай. — Илья взялся за калитку с той стороны и не отпускал. — Вер, я спрошу, пока все спят. Что было у мелкой на дне рождения?

— Ничего не было.

— Ага. Соль через мелкую. «Разуйся», как чужому. «Не твоё» — это я понял, отметки, папа мерил, а я полез. Но ты ж с порога такая была, ещё до косяка. И потом полтора месяца. Я чего сделал-то?

— Ты ничего.

— А кто?

Я могла уйти в дом. Мороз был градусов двадцать, повод был.

— Мама твоя, — сказала я. — Она в тот день первая приехала и в прихожей отдала мне перчатки. Мои, серые, которые я тебе на кладбище дала. Постиранные, нитка подвязана. И сказала: «Смотри, Вера». Больше ничего.

Илья сначала даже засмеялся.

— Ну мать. Ну разведка. — Потом перестал. — И чего смотреть? Руки у меня мёрзли, ты при ней же отдала. Чего она там увидела?

— Она видит, Илья.

— Что видит? Ничего же не было.

— Как я на тебя смотрю. Это она видит.

Под горой опять захлопало, долго, кто-то денег не пожалел. Илья спросил тихо:

— А ты смотришь?

— Смотрю.

Он отпустил калитку и шагнул ко мне. Я не отошла, и он меня поцеловал. Я этого хотела с осени, с той очереди в боксе, и врать себе тут было уже глупо. Губы у него были холодные и пахли шампанским, которое ему велела выпить мать.

Потом я упёрлась ему ладонью в грудь.

— Уходи.

— Да иду. Лягу, не парься, я тихо.

— Не ложись. Совсем уходи, Илья. И не приезжай больше.

Он постоял. Застегнул куртку до подбородка.

— Понял, — сказал он. — С Новым годом, Вер.

И пошёл вниз по дороге, пешком. Машину он не тронул: выпил. Я задвинула щеколду и вернулась в дом.

Телевизор в большой комнате мигал без звука, звук я убрала ещё при Соне. Из-за двери моей комнаты было слышно, как дышит Галина Петровна. Диван стоял, как я его застелила:

простыня, одеяло, подушка, сверху полотенце. В окне за ним стояла «четырнадцатая», ей уже засыпало стекло.

Что я скажу свекрови, я не знала. В девять ей на укол. Встанет она часов в семь и первым делом пойдёт сюда, будить сына.

Глава 5. Годовщина

Галина Петровна достала из пакета веник и пошла к кресту. Когда его ставили, она к нему не подошла, сидела у свёкра на скамейке. Теперь обметала табличку: сначала фамилию, потом имя-отчество, потом даты. На второй дате снег смёрзся в цифрах, и она стала выковыривать его ногтем. Это число стояло в извещении из военкомата, потом его же написал суд. Сегодня был год.

Я весь год думала, что в этот день буду реветь. А всю дорогу сюда думала о другом. Галина Петровна позвонила вчера сама: «В воскресенье у тебя выходной. Заедешь за мной в десять». Села в «Ниву» назад, к Соне, и до кладбища не сказала ни слова. Мне было перед ней стыдно с самого звонка. Я ехала и считала, о чём она спросит первым.

Соня стояла у ограды в комбинезоне и смотрела, как я раскладываю у креста конфеты, три «Белочки» прямо на снег.

— Мам, а их кто съест?

— Птицы.

— А мне?

— Тебе в машине есть.

— Дай ребёнку, — сказала Галина Петровна, не оборачиваясь.

Я дала. Соня развернула, фантик сунула в карман и ушла по дорожке к соседней ограде, где у кого-то была раскатана ледянка. Разбежалась, проехала, упала на попу и засмеялась.

Тут на дороге остановилась «четырнадцатая», встала за нашей «Нивой». Илья вылез, обошёл машину и остался у капота, руки в карманах. К ограде он не пошёл. Я его с Нового года не видела ни разу, за весь январь. Куртка на нём была та же, шапки нет, уши красные.

Я ему обрадовалась, как дура. И сразу захотелось, чтобы Галина Петровна его не заметила. Помахать я не помахала, стояла с пустым пакетом из-под конфет.

Галина Петровна выпрямилась, увидела его, звать не стала и опять нагнулась к табличке, хотя там было уже чисто.

— Он с первого числа в боксе ночует, — сказала она. — На раскладушке, у этой их печки. Днём ко мне заедет, хлеба занесёт, и обратно. Спрашиваю — молчит.

Я этого не знала. Я сразу увидела бокс ночью: колёса до потолка, станки, пушка гудит, а он на раскладушке в куртке. Это я его туда загнала.

— Не знала, — сказала Галина Петровна. — По лицу вижу. Ну хоть тут не врёшь.

Она шагнула ко мне с веником в руке.

— Ушёл он от тебя ночью. Пешком, выпивший. Я утром встала будить, а постель не тронута, полотенце сверху, как ты положила. Домой он не пришёл. Что ты ему сказала?

— Чтоб не приезжал больше.

— Почему?

Я присела и стала поправлять конфеты.

— Он тебе что сделал?

— Ничего плохого он не сделал.

— А ты ему?

Я не ответила. «Ничего» тут было бы враньём, а врать у Андрея я не могла. Галина Петровна постояла надо мной, потом повернулась и смахнула веником снег с перекладины креста, где никакой таблички не было.

— Деньги за Андрея пришли?

— Пришли. На Сонины счета.

— Тратишь?

— Не трогаю.

— Совсем?

— Совсем. Я туда даже в телефоне не захожу.

Она кивнула, как в поликлинике кивала на давление: сто тридцать на восемьдесят, следующий.

Соня опять упала на ледянке и опять засмеялась. Илья у машины переступил с ноги на ногу. Отсюда не видно было, куда он смотрит, на нас или на крест.

— Андрей вернётся, Вера. Придёт к тебе с мороза. Сапоги не снимет, сразу в пристройку, к котлу. Ладонь на трубу положит и держит, греет или нет. Он так с мальчишек: у меня дома батареи щупал, как с улицы зайдёт. Подержит, потом к тебе повернётся. Что ты ему скажешь?

Я встала, отряхнула колени. Илья всё стоял у машины.

— Скажу, что Сонины деньги целые, — сказала я. — Все до копейки.

*

В ворота я стучала сначала ладонью, потом кулаком. Внутри гудела тепловая пушка, из-под ворот на снег падала полоска света, а открывать никто не шёл. «Нива» у меня за спиной тарахтела, глушить её на таком морозе я побоялась. Тогда я ударила ногой по низу, там железо отзывается громче.

По ту сторону что-то звякнуло, и Илья спросил через ворота:

— Кто?

— Я.

Щеколда лязгнула, дверь в воротах открылась. Илья был в свитере, без куртки, в кроссовках со смятыми задниками: как сунул в них ноги, так и выскочил. На порог он не вышел и меня не пропустил.

— Соня? — Он смотрел мимо меня, на «Ниву». — Вер. Что с Соней?

— Ничего с ней. Она у твоей матери с обеда, спит давно. Я со смены.

— А мать?

— И мать спит. Все живые, Илья.

Он взялся за край двери, постоял так, потом засмеялся и сразу перестал.

— Ну ты даёшь. Я уж думал… Полночь, «Нива» под воротами. Ты сама, что ли, вела? Через весь город, по такому? Там на спуске каток.

— Сама. Пусти, у меня ноги замёрзли.

Илья отступил. Ноги у меня правда не отошли: в «Ниве» потеплело только у моста.

У ворот внутри было даже жарко. Пушка стояла на полу и дула прямо на старую раскладушку с провисшей серединой. На ней лежало ватное одеяло из дома и подушка без наволочки. Над ними на гвозде висела переноска, другого света в боксе не было, станок дальше стоял в темноте. На тумбочке чайник, банка сахара, а в пластиковом стаканчике зубная щётка.

«У печки» мне сказала Галина Петровна, и я две недели, с кладбища, эту печку себе представляла. Когда стригла, когда Соне на ночь косу плела. Представляла хуже: холод, грязь, бутылки. Бутылок не было. Была подушка без наволочки, и от неё мне стало хуже, чем от всего, что я напридумывала.

— Ты как узнала? — спросил Илья.

— Мать твоя сказала.

— Нашла кому рассказывать.

Он прикрыл дверь, чтобы не выдувало. Встал у пушки, руки скрестил.

— Вер. Ты мне что сказала? Не приезжай. Я и не приезжаю. Полтора месяца тебе на глаза не лезу. Ты сама-то чего?

— Я сказала, чтоб ты не приезжал. Про себя я ничего не говорила.

— Да ладно. Юрист нашёлся. — Он мотнул головой на раскладушку. — Ну проходи, раз так. Номер у нас один, с видом на станок, завтрак свой.

Я не засмеялась, и он тоже бросил.

— Тебе на горе жить, — сказал он тише. — С мелкой. Про меня в городе давно всё сказали, мне без разницы. А про тебя скажут: год только справили, а она уже деверя в дом. Мать меня простит, она меня всю жизнь прощает. Тебя не простит, Вер. А Андрюха…

Он нагнулся к пушке и покрутил на ней ручку, туда и обратно, хотя гудела она так же.

— Что Андрюха?

— Ничего.

Я боялась его матери, тут он был прав. Боялась так, что коленки дрожали, как на первом уроке за рулём. Зайдёт Галина Петровна в дом, а у порога его ботинки. Что она скажет, я догадывалась. Как я буду стоять и это слушать, не знала.

— Она Соню завтра в двенадцать привезёт, — сказала я. — Увидит тебя у меня. Я знаю.

— Ну вот.

— И пусть видит.

Он посмотрел на меня как на ненормальную.

— Вер…

— Помолчи. За меня весь год кто-нибудь решал. Мать твоя решала, ждать мне или нет. Ты решал, куда меня везти. В салоне решали, про что при мне говорить. А сюда я сама приехала, ты не звал, ты вон прятался. Завтра она спросит меня, не тебя. Я и отвечу. И Андрея на себя не бери. Мне перед ним отвечать, мне к нему на кладбище ездить.

Илья сел на раскладушку. Она скрипнула и прогнулась под ним почти до пола.

— Ты ж завтра пожалеешь.

— Может, и пожалею. Завтра.

Он посидел ещё, упёршись локтями в колени, и встал.

— Ща. Сумку найду.

Чёрная спортивная сумка нашлась под раскладушкой. Он покидал в неё что было: второй свитер, полотенце с гвоздя, щётку прямо со стаканчиком, зарядку, пакет с чем-то мягким. Всё влезло, ещё место осталось. Одеяло он сложил и бросил на раскладушку, сверху подушку. Кроссовки сменил на ботинки, куртку снял с гвоздя у станка.

Пушка и переноска были воткнуты в один удлинитель у двери. Илья выдернул обе вилки. В темноте сразу стало слышно, как на морозе потрескивает крыша. Снаружи он навесил на дверь замок, защёлкнул и подёргал.

«Четырнадцатая» стояла у соседнего бокса, вся белая от инея. Илья пошёл было к ней, на ходу вынимая ключи.

— Свою оставь, — сказала я. — Утром заберёшь. Я поведу.

Ключи он убрал обратно в карман.

Илья сел справа, сумку поставил на колени и по привычке потянулся за ремнём через левое плечо. Там ремня не было. Он нашёл его у двери, пристегнулся. Я выжала сцепление, включила первую и повела «Ниву» в гору.

Глава 6. Звонок

Илья шёл по огороду задом и копал, а я шла за ним с ведром и бросала в лунки картошку. Лопата у него входила на полный штык. Земля сверху уже прогрелась, а снизу была ещё сырая и холодная, руку сунешь — как в погреб.

Соня таскала нам картошку от сарая, из мешка, в своём ведёрке с дельфином. Сходила два раза, а на третий пришла пустая и вся красная от того, что бежала. Из её ведёрка Илья сажал свой ряд сам, без меня.

— Мам, там на смородине жук сидит, огромный, вот такой. Можно я его поймаю?

— Майский, — сказал Илья, не оборачиваясь. — Банку возьми, а то улетит.

— А он кусается?

— Тебя не станет. Ты ж костлявая.

— А велик когда накачаешь?

— После картошки.

— Ты вчера тоже говорил «после». Так нечестно.

— Мелкая, я вчера весь город качал, у меня очередь до моста стояла. Сегодня только тебя.

Соня подумала, считается это или нет, решила, что считается, бросила ведёрко прямо на грядке и понеслась к дому. По крыльцу она проскакала мимо Ильиных ботинок и хлопнула дверью. Утром Соню привезла Галина Петровна, довела до калитки, поцеловала в макушку и пошла назад к такси. Во двор она с февраля не заходила.

Я нагнулась над его рядом. В последней лунке картошка лежала ростками вбок, в предпоследней тоже.

— Илья. Ростками вверх.

— Вер, ей без разницы. Она в темноте, она не видит, где верх.

— Видит.

— Чем?

— Перекладывай давай.

Он воткнул лопату, присел над своими лунками и стал переворачивать картошку по одной, двумя пальцами, как будто она могла обжечь. Ворчал, что в Москве на стройке над ним так не издевались. Я стояла над ним с ведром и не помогала. Мне нравилось стоять.

Я шагнула к своему ряду, и что-то стукнуло меня в спину. Я обернулась: у ног рассыпался ком, а Илья смотрел на небо.

— Это не я. Это жук.

— Ага. Майский.

— Слушай, а окучивать когда?

— Как взойдёт. В июне, после ЗАГСа.

— Это я, значит, восемнадцатого распишусь, а девятнадцатого с тяпкой?

— А ты думал.

— Я думал, медовый месяц будет. Море, пальмы, я в шортах.

— Вот тебе медовый месяц. Шесть соток.

Он поднялся, вытер ладонь о штаны, без толку, и потянулся к моему лицу.

— Стой. Тут у тебя.

Провёл мне большим пальцем по щеке и, похоже, только размазал.

— Во. Красивая.

Я взяла из ведра новую картошку, и тут в заднем кармане зазвонил телефон. Руки у меня были в земле до запястий. Правую я вытерла о джинсы, картошку из левой не выпустила,

телефон вытащила двумя пальцами. Номер был незнакомый. По воскресеньям мне звонят или клиентки, перенести запись, или из банка.

— Да.

Там шумело. Кто-то говорил в стороне, что-то катили, оно дребезжало. Потом близко, прямо в ухо:

— Верунь.

Колени у меня подогнулись. Я села в борозду, между двух лунок.

— Верунь, слышишь? Это я. Ты только не реви. Времени мало.

— Андрей.

— Ну. Я.

— Андрей, я…

— Потом. Слушай.

Голос был его, только сиплый. Дышал он так, будто поднялся пешком на пятый этаж.

— В плену был. Вчера поменяли. Я в госпитале, под Москвой. Живой, руки на месте. С ногой хуже. Резать будут.

— Как резать?

— Ну как. Левую, ниже колена, там зараза какая-то пошла. Нормально. Обувь буду экономить.

Я молчала. Сейчас спросит, как мы тут. Спросит — я скажу, потому что ему я не врала ни разу и сейчас бы не смогла. Илья стоял в двух шагах, держался за лопату и не копал.

— Матери скажи. Её номер не помню, хоть убей. Твой помню.

— Тебе привезти что-нибудь? — сказала я.

— Ничего не надо. Разберёмся. Соньке пока не говори.

— Как не говорить? Она же…

— Сам скажу. Вера. Сам. Как она там?

— Выросла.

— Ну ещё бы.

— А ты как?

— Нормально. Худой только, ты не пугайся, когда увидишь.

Рядом с ним кто-то сказал: «Брат, давай, у меня минуты».

— Всё, Верунь. Телефон не мой. Ну, ждите. Всё.

Надо было сказать: живой, ты живой. Хоть это. Остальное по чужому телефону, в двух шагах от Ильи всё равно не скажешь. В трубке пикнуло, и стало тихо.

Я ещё держала телефон у уха. Потом опустила руку. Телефон выскользнул из грязных пальцев в борозду.

Илья стоял, где стоял. Что я говорила, он слышал, а «Андрей» я сказала два раза. Лопату, которую всё утро втыкал в землю, он положил вдоль борозды и пошёл к дому по меже, длинной дорогой.

На крыльце хлопнула дверь, выскочила Соня с банкой из-под огурцов.

— Дядь Иль, нашла! Пошли ловить!

Он перехватил её у крыльца, присел перед ней на корточки и стал что-то говорить, я не слышала что. Соня слушала и крутила крышку. Спиной ко мне он её и развернул, лицом к смородине.

«Матери скажи». Значит, ехать к Галине Петровне, сегодня же. Встать, отмыть руки, завести машину. Что у неё будет с лицом, когда я скажу, я представить не могла. Я и встать пока не могла.

Картошка всё это время была у меня в левой руке. Я положила её в лунку, ростками вверх, и присыпала. Руки делали, а я сидела и смотрела, как они делают.

Телефон лежал рядом в борозде экраном вверх, и экран ещё горел: чужой номер, три минуты с секундами.

*

Соню Галина Петровна забрала у меня прямо на пороге. Ни о чём не спросила, развернула её за плечи и повела в маленькую комнату, свою. Там щёлкнул телевизор, запела какая-то заставка из мультика.

— Тут сиди, — сказала она Соне и прикрыла дверь.

Илья поставил сумку у входной двери на коврик и разулся. От самой горы он ехал за нами на своей «четырнадцатой», я с Соней впереди на «Ниве». В зеркале он был у меня на каждом повороте. Сумку он собрал сам, пока я отмывала руки от земли. Меня не спросил. После огорода мы с ним и десяти слов друг другу не сказали.

С Галиной Петровной я не разговаривала с февраля. Соню она отдавала мне у калитки и сразу уходила к такси. Боялась я её сейчас хуже, чем все эти три месяца. Я всю дорогу придумывала, с чего начать, и ничего не придумала.

Мы с Ильёй прошли в большую комнату. Галина Петровна вернулась от Сони и встала у стола. Халат, волосы под заколкой, корни отросли на два пальца, седые. Красилась последний раз, выходит, к Новому году.

— Ну, — сказала она мне. Первое слово с февраля.

— Андрей звонил. Живой.

Галина Петровна взялась за спинку стула. Стул был задвинут под стол, она его не выдвинула, только держалась.

— Когда?

— Днём. Мы картошку сажали.

— Что сказал? Всё говори.

Я сказала всё, как было: в плену был, вчера поменяли, лежит в госпитале под Москвой, голос сиплый, дышит тяжело, левую ногу будут резать ниже колена. Про плен Илья слышал первый раз: на огороде до него долетало только то, что говорила я. Он стоял в дверях плечом в косяк, а тут отлепился и остался стоять, ни к чему не прислонясь.

У Галины Петровны стали мокрые глаза. Она вытерла их рукавом халата, зло, с силой.

— Отчего резать?

— Сказал, зараза какая-то пошла.

— Какая зараза? Температура есть? Колют ему что-нибудь, антибиотики хоть колют?

— Не знаю.

— Операция когда?

— Не сказал.

— Госпиталь какой? Под Москвой их не один.

— Не спросила.

Я и про ногу толком не спросила. Я сидела в борозде с картошкой в руке, а у него там уже кто-то просил телефон обратно.

— Ещё сказал Соне пока не говорить. Сам скажет.

Илья вышел в коридор и нажимал на дверь маленькой комнаты, пока она не щёлкнула. Потом вернулся на своё место в дверях.

— Галина Петровна. Вы ему пока про нас не говорите. Про меня и Илью. Ему ногу резать.

Она отпустила стул, пошла к серванту и выдвинула ящик. Достала ручку и квитанцию за свет.

— Номер давай.

Я нашла номер в звонках и протянула ей телефон. Она переписывала цифры на обороте квитанции по одной, шевелила губами. За стеклом серванта стоял Андрей со срочной, в берете. Рамка была чистая, без ленты.

— Телефон не его, — сказала я. — Чужой. Ему кто-то дал позвонить. Сейчас, может, и не возьмут.

— Утром.

Она сложила квитанцию вдвое и убрала в карман халата.

— Вы слышали, что я просила? — спросила я.

— Слышала.

Ни да, ни нет. Врать она не умела никогда. Соне коленку зелёнкой мажет и то говорит: щипать будет, терпи.

— А заявление ваше в ЗАГСе? — спросила она.

— Заберу.

— Мам, — сказал Илья. — Я у тебя поживу пока.

Галина Петровна прошла мимо него в прихожую, подняла с коврика его сумку и занесла в комнату, к дивану.

— Бросил посреди прохода, сынок. Ноги переломаешь.

Я пошла за Соней. Серия ещё не кончилась, Соня сказала: «Ну мам», но с кровати слезла.

— А дядь Иль?

— А я тут останусь, мелкая, — сказал Илья из коридора. — У бабы Гали кран течёт.

Кран у Галины Петровны не тёк никогда в жизни. Не посмел бы. Илья ушёл в ванную, и там правда что-то загремело.

Соня в прихожей возилась с липучками. Я стояла над ней и искала по карманам ключи от «Нивы». Нашла в заднем, где днём был телефон.

Дверь в большую комнату была открыта. Галина Петровна достала из шкафа бельё и разложила диван. Простыню встряхнула над ним и подоткнула края, быстро, как, наверное, в поликлинике кушетки застилала. Потом взяла подушку и стала натягивать на неё чистую наволочку.

*

Людмила Ивановна, которая у нас в ЗАГСе принимает заявления, увидела меня в дверях и сняла очки.

— Вера? Ты чего не на работе?

— Вторник, у меня выходной. Соню в школу отвела и к вам.

Я села напротив и положила на стол паспорт. Свидетельство о смерти тоже лежало у меня в сумке, я его утром зачем-то взяла, как в апреле.

— Я по нашему заявлению. На восемнадцатое.

— Перенести? — Она уже раскрыла толстый журнал. — Сразу говорю, июнь у меня весь расписан.

— Андрей живой.

Вышло громко. Я испугалась, что услышат в коридоре. Галине Петровне я это сказала в воскресенье, а больше никому. Людмила Ивановна убрала руку с журнала.

— Как живой?

— В воскресенье позвонил. В плену был. Поменяли, сейчас в госпитале.

Она встала, прошла мимо меня и закрыла дверь в коридор, где на банкетке ждали двое молоденьких с папкой. Стрижка на Людмиле Ивановне была моя, недели три как, затылок ещё держал форму. Она у меня в «Шарме» лет восемь стрижётся, всегда записывается на пятницу, чтобы к выходным.

Вернулась, села.

— Я ж у вас в апреле заявление принимала, свидетельство в руках держала. Вот этими. — Она показала мне ладони. — Как он?

— Ногу будут резать.

— Ну, дай бог. — Она надела очки. — А с заявлением что?

— Решение суда ведь отменят, когда он вернётся? Мне в суде так сказали. Ну и всё тогда. Мы опять с ним… как было.

— Решение отменят. Будет он у нас опять живой, по всем бумагам. А брак — нет, Вера. Брак ваш суд прекратил ещё осенью, и обратно сам не склеится.

Я на неё разозлилась, как будто это она нас развела.

— А как тогда?

— Восстановить можно. Только вдвоём. Придёте сюда оба, сядете вот тут и оба напишете. И если ты к тому времени ни за кого не вышла.

Она посмотрела на мой паспорт.

— А сейчас ты по бумагам свободная. Придёте восемнадцатого, я вас распишу, по закону можно. Только восстанавливать потом будет нечего.

— Не придём, — сказала я. — Снимайте восемнадцатое.

— Сниму.

Она закрыла журнал, при мне ничего в нём не тронув.

— На июнь у меня три пары в очереди, отдам кому-нибудь. Андрея-то домой когда отпустят?

— Илья вчера вечером написал. Мать дозвонилась. В четверг операция.

— В четверг, — сказала Людмила Ивановна. — Послезавтра, значит.

Она подвинула мне паспорт по столу.

Галину Петровну я в воскресенье просила про нас молчать до операции: ему ногу резать. В четверг и отрежут.

Я взяла паспорт и встала. Людмила Ивановна пошла открывать дверь, молоденьким. Девушка с папкой поднялась мне навстречу, я её обошла.

На крыльце я стала убирать паспорт. Молния на сумке встала на середине, на углу свидетельства. Я дёрнула раз, другой и оторвала собачку. До «Нивы» шла с раскрытой сумкой под мышкой, прижимала её локтем.

Глава 7. Дома

Восьмой вагон встал дальше, чем мы ждали, почти в конце платформы, пришлось идти за ним. Я держала Соню за руку. Она сказала: «Мам, больно», я перехватила её за запястье, а через пять шагов опять за ладонь и сжала сильнее прежнего.

Галина Петровна шла впереди в выходных туфлях. Асфальт на платформе весь в буграх, Илья вёл её под локоть. Мы с ним кивнули друг другу ещё на стоянке, когда они вылезали из «четырнадцатой», и на этом всё.

Проводница опустила ступеньки и вытерла поручень тряпкой. Вышла женщина с коробкой, за ней парень в шортах. Потом из тамбура показался резиновый конец трости и нащупал ступеньку. Проводница подала руку. Андрей её не взял и спустился сам: трость, правая нога, потом левая, подошва шлёпнула по железу.

Стригли его машинкой, на одну насадку по всей голове, без перехода, как в армии. Затылок подбривал кто-то неумелый, сосед по палате или сестричка: линия ушла вбок, за правым ухом остался клок длиннее. Шея стала тонкая, под затылком появилась ямка, которой раньше не было. А виски были белые. Я сначала подумала, что это солнце так падает.

— Опять не ешь, — сказала Галина Петровна и поправила ему воротник.

— Мам. Ем.

Он нагнулся к ней, она поцеловала его в щёку. Проводница выставила на платформу его сумку. Илья её поднял. Тогда Андрей сказал: «Илюха» — обнял его одной рукой и хлопнул два раза по спине. В другой руке у него была трость.

— Андрюха, — сказал Илья.

На этом они разошлись, как будто в прошлое воскресенье виделись. Я не поняла. Илья, когда ему страшно, болтает без остановки, это я знала лучше всех. А тут стоял с сумкой, лицо как на паспорт, и молчал. И Андрей, который Илью всегда видел насквозь — по одному «да ладно» понимал, что тот опять занял денег или уволился, — хлопнул его по спине и отвернулся к нам. Устал с дороги, решила я.

— Пап, докладываю! — крикнула Соня. — У меня зуб выпал. Два.

Это было его слово, из телефона: «Ну, заяц, докладывай». Андрей шагнул к нам, трость стукнула по асфальту. Соня ушла мне за спину и вцепилась в джинсы сзади.

Он остановился.

— Доклад принят, — сказал он. — Нормально. Пускай за мамой постоит пока.

Потом взял меня за шею, как всегда брал, ладонью сзади, и притянул. Я стояла носом в его воротник. Рубашка пахла поездом и чужим мылом. Два года я его не трогала. Я по нему соскучилась, и дошло это до меня только тут. Соня тянула меня за джинсы назад, а я бы так и стояла, но Андрей отпустил первым.

У выхода с платформы он забрал у Ильи сумку: «Давай, сам». Илья отдал. Галина Петровна сказала мне: «В понедельник привезёшь его ко мне. И ребёнка». Илья повёл её к «четырнадцатой», а мы пошли к «Ниве».

Андрей пошёл к водительской двери и взялся за ручку, а ключи были у меня.

— Я поведу, — сказала я.

— Правильно, — сказал он. — Сцепление левой, а левая у меня теперь казённая.

И пошёл вокруг машины, придерживаясь ладонью за капот. Он сел, отодвинул кресло до упора назад, под свои колени, и пристегнулся.

До горы мы ехали через весь город. Я ни разу не заглохла. Андрей сидел лицом к окну и молчал, Соня сзади тоже молчала. В июле он позвонил вечером, Соня уже спала. Спросил, не течёт ли крыша над верандой. Я сказала, что не течёт. Это была правда: крышу весной латал Илья. Андрей сказал «ну и хорошо». Мы помолчали, у него там кто-то смеялся в коридоре.

Вот тут бы ему и спросить, кто латал. А мне сказать, раз уж он не спрашивает. Он сказал: «Ну, всё». Я сказала «пока» и потом ещё долго держала телефон у уха.

Дома он остановился в прихожей и поставил трость к обувнице. Рюкзак висел на своём крючке, как я его повесила в феврале прошлого года, с застёгнутой молнией. Я ждала, что Андрей его снимет. Он взял лямку в кулак, подержал, отпустил и повесил кепку рядом, на вешалку.

Обедали щами. Он съел две тарелки и полбатона хлеба. Соня ела и смотрела на трость, прислонённую к холодильнику.

— Зубы куда дела? — спросил Андрей. — Под подушку клала?

— Баба Галя сказала, мышь не придёт. Мыши в городе.

— А мы где?

— На горе, — сказала Соня, как будто он маленький.

— Ну, всё равно придёт, — сказал Андрей. — Только поздно. Пока дорогу найдёт.

Соня подумала и опять уставилась на трость.

Потом Андрей лёг на диван в большой комнате, как раньше по субботам, и уснул под телевизор до шести. Соня два раза подходила к двери проверить, спит ли, и уходила к себе на веранду.

Пока он спал, я перестелила в спальне постель. Стелила я и вчера, всё было чистое. В этой кровати до мая спал Илья. Я сняла всё, достала другое из шкафа, одеяло перевернула.

Вечером Андрей ушёл в спальню первым. Я домыла посуду, заглянула к Соне: спала поперёк кровати, в моей старой футболке. Вытерла руки и пошла.

Он включил только ночник. Сидел на краю кровати, трость стояла у спинки. Увидел меня, подвинулся к стене и откинул одеяло с моей стороны. Я стояла на пороге и вытирала руки о джинсы, хотя они были сухие.

*

Проснулась я от стука. Кто-то бил по дереву: два раза, тишина, опять два. Андрея рядом не было. Вчера он лёг к стене и уснул сразу, я даже ночник выключить не успела.

За окном только серело. Я накинула кофту и вышла в прихожую. Входная дверь стояла открытая, Андрей сидел на крыльце, левую ногу вытянул вниз, как палку. Нижней ступеньки не было. Она лежала в траве у его ноги гвоздями вверх, и он вёл по ней рулетку. Край у неё совсем почернел и разлезся.

— Ты чего в такую рань? — спросила я.

— Девяносто восемь, — сказал он и записал карандашом прямо на доске. Потом обернулся. — Я её ещё до контракта обещал. Помнишь?

Я помнила. Она скрипела, сколько я в этом доме живу, а в темноте я в неё вечно проваливалась пяткой.

— Досок же нет, — сказала я. — Хочешь, в город съезжу?

— Суббота. Чего там в субботу. Не горит.

Так дыра и осталась. Весь день мы через неё шагали. Соня раз двадцать спрыгнула с крыльца в траву и забралась обратно и всё косилась, смотрит ли папа. Папа смотрел с крыльца и что-то считал на краю газеты.

В воскресенье вечером, когда я мыла Соне голову, он сказал из-за двери ванной:

— Завтра от матери приедем, я в магазин схожу. Под гору.

— Я на машине отвезу.

— Сам. Ногами. Мне ходить надо.

Соня зажмурилась и пускала пузыри в пену, а я стояла с ковшом и не поливала. Завтра Галина Петровна, а у неё на диване теперь спит Илья. Потом магазин под горой, где про Илью и про меня знает каждая, кто там берёт хлеб. Кто-нибудь ему скажет. Я хотела, чтобы первой сказала я.

Соня уснула, когда совсем стемнело. Андрей сидел перед телевизором, звук он убавил до шёпота.

— Пойдём посидим, — сказала я. — На улице.

Он взял трость и пошёл. Дыру на крыльце перешагнул, за перила не взялся. Скамейка у нас стоит за калиткой, у забора, оттуда видно весь склон. Мы сели. Я с обеда придумывала, с чего начну, перебрала слов десять, и ни одно не годилось, а теперь и те забыла. Волга внизу была уже чёрная, на том берегу горело несколько огоньков. Сидим, как две бабки у подъезда, подумала я, семечек не хватает. Нашла время.

— Андрей. Мне сказать надо. Ты не перебивай, я собьюсь.

— Ну.

— С февраля тут жил Илья. Со мной жил. В апреле мы подали заявление в ЗАГС, на июнь. А в мае ты позвонил, и я заявление забрала. Вот.

На последнем слове голос у меня сел. Сейчас встанет, стукнет тростью или уйдёт в дом, хлопнет дверью, Соню разбудит. Он сидел и смотрел вниз, на воду.

— Знаю, — сказал он. — Мать сказала. Ещё в мае.

Я сначала не поняла. Потом поняла. В июле он звонил и спрашивал, не течёт ли крыша над верандой. Знал, кто её латал, и спрашивал.

— Она тебе сама позвонила?

— Я ей. — Он поставил трость между коленей и положил на неё обе руки. — После операции мне в госпитале сказали, что я по бумагам умерший. По суду. По заявлению жены. Ну я матери и позвонил. Спросил прямо: Вера замуж вышла? Она и сказала. Врать-то она не умеет.

Галину Петровну я за всё лето ни разу не спросила, говорила она ему или нет. Хватило бы одного звонка. Я не звонила, боялась, что она скажет «говорила».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.